

Алексей Малашенко

Нелёгкое бремя идентичности

Ненаучные заметки

Запутался я со своей идентичностью. Я — русский, я — православный, я — европеец (долгой евразийство). Я был советским, хотя советскую власть не любил. Но ощущаю себя прежде всего москвичом.

Идентичность — хорошее, академическое слово. Но давайте скажем проще: идентичность — во-первых, это то, как я себя вижу (точнее, хочу видеть, что уже чуточку другое); во-вторых, каким видят меня остальные, а с ними тоже не все просто: одни завидуют, другие не любят. Чужая идентичность раздражает. Отсюда китайцев зовут желтыми и косоглазыми, французов — лягушатниками, темнокожих — черномазыми, а наших южных соотечественников — лицами кавказской национальности, намекая, что в этой национальности кроется что-то нехорошее.

Московская идентичность раздражает очень многих. Москвичи — самые богатые, самые успешные, самые наглые. И откуда только они берутся? Отвечаю: есть те, которые в Москве родились, но больше половины понаехало из других идентичностей: Ульянов-Ленин — из ульяновской, Иосиф Сталин — из грузинской, Никита Хрущёв — из украинской, Борис Ельцин — из уральской, Владимир Путин из вечно оппозирующей Москве ленинградско-петербургской. Вся эта публика, каждый по-своему, вписалась в столичную идентичность, омосковилась и даже с подозрением смотрит на коренных и потомственных обитателей столицы.

Моя московская идентичность размывается, растекается по времени. Она все более неприменима к современной столице.

Это не мое метро, по которому я когда-то разгуливал вслепую. Теперь я, как гость Москвы, сначала читаю надписи: в какую сторону ехать. Чувствую враждебность к огромной толпе людей. Не «понаехали тут», а «понаоставались тут».

Не люблю песню «Москва, звонят колокола...». Моя песня — «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля... кипучая, могучая, никем не победимая...» Конечно, конечно, — стопроцентный пропагандистский «совок». Но я вырос с этой «песней старого москвича». «Москва, звонят колокола, Москва златые купола...» — не мое. Песня хороша, слов нет. Но до горбачевской перестройки колокола осторожно звонили только на Пасху, а купола, кроме кремлевских, прятались в переулках.

Малашенко Алексей Всеволодович — российский востоковед, исламовед, политолог. Главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М.Примакова. Один из ведущих российских специалистов по проблемам ислама.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 1.

Часть моей городской идентичности — высотные дома с их колючими башнями, которые Василий Аксёнов в своей «Москва ква-ква» характеризовал как «величие архитектуры». Для моего поколения — да. Теперь с бизнесцентрами, с разбросанными, поставленными «на попа» коробками, моя идентичность чувствует себя униженной, что ли. С этими прямоугольными существами столица лишается своей интимности (если таковая вообще есть у столичных мегаполисов).

Не буду говорить за другие города, как они, осовремененные, воспринимаются старожилками. В провинции память, а значит, идентичность, сохранить проще. Да, в Екатеринбурге, Нижнем, Томске, Рязани, Иркутске она тоже размывается, но не с московской убийственной силой.

Существует комплекс неполноценности коренного москвича. Я чувствую эпоху рыбаковского «Кортика»¹, тем более что сейчас обосновался на Арбате. «Кортик» — это возврат в мою Москву, в которой в то время родилась моя мама.

Для мамы Красная Пресня, куда мы переехали в 1964 году, была окраиной. Я боюсь представить, как бы она восприняла нынешнюю Москву. Но вот чудо: моя бабушка хранила открытку с храмом Христа Спасителя. Однажды она сказала: его ты уже никогда не увидишь... Я его увидел. Однако это совершённое из самых лучших побуждений повторение не вписалось в мою идентичность. В ней навсегда остался зимний плавательный бассейн, построенный советской властью на месте главного собора.

Про московскую самую дорогую для меня самоидентификацию я поговорил. Касательно региональных чувств распространяться не собираюсь и перескачу сразу к идентичности русской, которую каждый, считающий себя русским, призван осознавать и соблюдать.

Она порой может выражаться странновато. Кто не видывал пьяненького мужичка, который, бия себя в грудь костистым кулаком, рычит: «Я, мать вашу, русский, да, русский я!» Доказывание русской идентичности часто сопровождается повышенными эмоциями, потребностью подтвердить силу русского «я». Это, согласитесь, созвучно сегодняшнему официальному определению России как великой *ядерной* державы. То есть главное достоинство нашей идентичности, а заодно и государства, заключается в силе, в «атомной бомбе». Раньше такой переизбыточности все-таки не было. С «советской идентичностью» связывались экономический и культурный успех, построение самого лучшего в мире общества — коммунистического. Внешняя же политика СССР, несмотря на некоторое количество «эксцессов» в Берлине, Варшаве, Будапеште, Праге, на Кубе, в обществе смотрелась вменяемой, не такой уж и агрессивной. Такая оценка стала меняться после бессмысленного вторжения в 1979 году в Афганистан.

Советская идентичность оппонировала русской, потребность в которой появлялась в критических ситуациях, таких как война.

Не хочу заумно рассуждать о том, что есть русская идентичность, опираясь на глубокие академические и публицистические изыскания. Сошлюсь на «простого» театрального режиссера Марка Захарова, который написал: «Наши гениальные историки и философы давно объяснили нам, под воздействием каких стихий и географических величин формировался великорусский характер. Равнинное существование с непредсказуемым количеством дождливых и солнечных дней очень располагало к мечтам о щуке, которая демонстрировала бы трудовую доблесть. “По щучьему велению, по моему хотению...” (Иногда вместо щуки всплывала золотая рыбка, скакал Конёк-горбунок — это уж я от себя).

¹ Увы, эта сноска необходима. «Кортик», удивительную повесть Анатолия Рыбакова, в которой описана жизнь «детской Москвы» 20х годов, сегодня мало кто прочтет.

Однако утверждать, что наши предки были лежебоками и лентяями, никак невозможно. В короткие погожие дни они развивали такую работоспособность, что на англичан и немцев смотреть было больно, я уже не говорю о голландцах. Славянское неистовство всегда было общепризнанным и уникальным...»

На этом месте цитату прерву — к ее концовке вернемся позже. Пока дополним текст Захарова словами одной двадцатилетней студентки: «Для меня русский — синоним простора. Простора не только географического, но простора чувств и эмоций. Русский человек и ленив, и страстен, и часто несобран. Способен и на низость, и на подвиг любви»¹. Это высказывание из замечательной книги «Народы перед зеркалом», интересной уже тем, что в ней представитель каждого из бывших советских народов размышляет о себе и своих соплеменниках честно, со всеми их плюсами и минусами.

Уместно вспомнить, что, например, такие люди как Чехов, Горький, и не только они, родной идентичностью не слишком восхищались. Скорее, она раздражала. Русская природа — да, а вот идентичность слишком уж неоднозначна.

Нелицеприятно воспринимать идентичность своего народа (если хотите, этноса) непросто, особенно если этот народ, подобно русским, претендует на нечто глобальное. В последнем случае в самооценке зачастую преобладают количественные параметры — много земли, много воды, много нефти, много танков. Наконец, много нас самих.

Забавно, но когда русский человек вдруг узнает, что в Пакистане, Бангладеш, Бразилии, Нигерии, не говоря уже об Индонезии, народу больше, чем у него дома, он поначалу отказывается в это верить. Тем временем нас, русских, становится все меньше и меньше. По экономике наша родина теснится где-то на 11—12 месте, рядом с Южной Кореей. Почему? Задайте вопрос Государственной думе. Впрочем, это бесполезно, потому что у ее депутатов — своя, «думская идентичность», которая их вполне устраивает.

Согласно привычным представлениям о нашей идентичности, мы — великий народ. Но сегодня, если оглянуться по сторонам, это величие вызывает некоторый скепсис. Поневоле вспоминается ставшее вечным «за державу обидно».

Наша идентичность не расположена к созидательности. На протяжении своей истории русским постоянно приходилось учиться. У кого? У «немца», иноземца, европейца. Учиться у чужака это — заимствовать, а еще и подражать ему, тем самым признавая собственную несостоятельность.

«Состязание» русской идентичности с европейской выиграно последней. Это по-своему ощутил Хрущёв, призвав страну и общество «догнать и перегнать Америку». Мы обречены вечно догонять. Никакой «национальный путь развития» догоняния не отменит. Он только столкнет страну совсем уж на обочину.

Кстати, российские монархи на приоритетах русской идентичности не настаивали. Они любили порассуждать о величии родины, но настойчиво учились у Европы и приглашали иностранцев — техников, врачей, учителей, «менеджеров». Царь Пётр в 1702 г. издал манифест, ставший «законом», государственным основанием для систематического ввоза на работу в Россию иностранцев.

На самом вершине русского общества, графья да князья на русскую идентичность обращали мало внимания. Они брезговали ее главным носителем — мужиком. Стремилась жить по возможности по-европейски, а некоторые даже предпочитали изъясняться между собой на иностранном сленге.

При удобном случае приобщались к иной идентичности и простые люди, например, так поступали в 1814 г. казаки в захваченном Париже, позже советско-

¹ Народы перед зеркалом. Редакция журнала «Дружба народов». Культурная революция. Москва, 2014. С.193.

русские люди удивлялись умению американцев работать на конвейерах. Один профессор по фамилии Александров заметил, что «если вы возьмете какие-нибудь наши стройки, на которых рабочие исчисляются десятками тысяч, и посмотрите на стройки американские, на которых я был, вы увидите, что там плотину в 120 метров строит 150 человек»¹. Советские граждане поражались ухоженности, чистоте европейских деревень. «Я даже не понял, что это деревня», — поведал мне однажды уроженец Тульской области, пришедший в 1968 году в Чехословакию для оказания братской помощи по спасению социализма. А тут, как на грех, еще и джинсы, виски и прочая разрушающая нашу идентичность, созданная ихней идентичностью занятая и полезная дребедень. Укреплялось понимание того, что они не только не такие, как мы, но кое в чем и лучше. Градус нашего самодовольства падает.

Философ Юрий Лотман заметил, что «регулярная смена моды — признак динамической социальной структуры»². Шире — это вообще изящный признак общего динамизма. Заметьте, в Россию мода *приходит*, а создается она в других землях, другими народами, нами она заимствуется, как и все новое, перспективное. Исключение, пожалуй, составляют литература и музыка.

Брезговал отечественной идентичностью и Владимир Ильич Ленин, пообещавший «задрать подол матушке России». Задрать-то он задрал, но ничего хорошего из этого не вышло. Навязываемая им и его коллегами классовая идентичность так же оказалась непродуктивной, тупиковой. Занятно, что разрушитель русской идентичности покоится в центре столицы. И убирать его оттуда нельзя ни в коем случае — пусть лежит как память о русских исторических и цивилизационных неурядицах.

Чем-то советская идентичность походила на некоторые негативные черты русской — например, сакрализацией власти.

Сакрализация власти штука скверная. Когда обычная власть становится «властью от бога», она не способна на реформы, она безответственна, разрушительна, хамовата и *несменяема*. Она зиждется на пресловутом терпении, которым отдельные отечественные философы, религиозные деятели и даже политики любят гордиться.

Представлять власть «священной» помогает религия. И православная церковь тому немало способствовала. Под русской идентичностью всегда подразумевается идентичность русско-православная.

Я верю в Бога, моя идентичность идет от веры, а не от ее атрибутов. Вера — идентичность общечеловеческая. У кого-то идентичность — неверие, атеизм, и они так же имеют право на существование.

Но... разве такая идентичность обязательно хороша? Именем Бога творилось такое — от инквизиции до бен Ладена, — что говорить об абсолютной доброте и справедливости такой идентичности не приходится.

Да и религия, сотворенная и отредактированная не Им, а Его творениями — человеками, давно превратилась в идеологию, причем очень часто в агрессивную. У всякой религии — завышенное самомнение. Православный — самый лучший, мусульманин тоже, а протестант лучше всех остальных вместе взятых.

Мы имеем дело с интерпретациями религии — и в соответствии с разными религиозными доктринами та или иная власть достойна сакрализации, или от нее нужно избавляться. В таком контексте исламское государство не лучше и не хуже православного или католического. Религиозная идентичность конъюнктурна.

Альтернатива сакрализации власти — тот самый бунт, который «бессмысленный и беспощадный». И который также вписывается в нашу с вами идентичность.

Пришло время дать договорить Марку Захарову: «Может быть, настало

¹ Цит. по: *Юрий Рубцов*. Мухлис. Тень вождя. Москва, «ЭКСМО», 2007. С.140.

² *Ю.М.Лотман*. Культура и взрыв. «Гносис». Издательская группа «Прогресс». Москва, 1992. С.125.

историческое время, когда собственным характером нужно не только любоваться, гордиться, упиваться его удалей, но подумать, хотя бы в принципе, о его частичном изменении?»¹. Иными словами, скорректировать идентичность. Признать свою слабость очень трудно. Но надо, иначе будет хуже.

Готово ли общество к коррекции своей идентичности, сказать очень сложно.

Зато власть отдает приказ скреплять ее. Запустили в ход слово «скрепы». У меня оно сразу стало ассоциироваться со скрипами: это когда что-то скрипит перед тем как развалиться. Что скреплять — непонятно, как скреплять — тоже. Зато звучит красиво. Скрепы эти — что-то наподобие знаменитого брежневского «экономика должна быть экономной». Тот призыв тоже скреплял нашу отсталость. И доэкономились, доскреплялись.

И последнее. Чувствую ли я себя россиянином? Существует ли в полноценном виде российская нация? Скажем компромиссно — она формируется. На общенациональную идентичность мы не наработали. Она какая-то формальная, даже мнимая. В этом нет ничего обидного. Индийская, индонезийская, иракская, афганская, многие другие нации, даже китайская, продолжают формироваться. Это вечно длящийся процесс. В некоторых государствах — в Югославии, Нигерии, Судане — нации не состоялись.

«Россиянин» на иностранные языки не переводится. В заграничном паспорте у меня стоит Russian, и в таком качестве, с такой идентичностью я катаюсь по идентичностям заграничным. И буду кататься, считая себя русским, — объяснять таможенникам, что такое россиянин, ни к чему. Да им это и неинтересно — Russian есть Russian.

И самое последнее — про идентичность евразийскую. Что такое евразиец, никто не знает. Из евразийской политической доктрины евразийской идентичности не получается и не получится. Азиатской-то идентичности нет, а уж евроазиатской и подавно — от Камчатки до Бейрута, от Салехарда до Бомбея. Спросите у китайца или турка, евразиец ли он. Да он и слова-то такого не выговорит.

У русских евразийская идентичность совсем уж двойственная, если не сказать липовая. Евразийство в российской культуре — полуазиатчина, а то и просто азиатчина, ненавистная русской интеллигенции. Про нее с отвращением писали уже упомянутые и Чехов, и Горький, и Бунин...

Гумилевский вариант евразийства эффектен, но архаичен и бесполезен, разве что может быть упомянут в контексте кремлевской идеологической доктрины.

Хотите быть евразийцем, будьте им, только без меня. Я лучше Антона Павловича и Алексея Максимовича почитаю.

В общем, запутались мы, и потому напою вам, кто помнит, песню «С чего начинается родина». Там как раз про идентичность, которая начинается «с той песни, что пела нам мать... со старой отцовской будённовки (кстати, буденновка — это большевистская интерпретация, можно сказать, переименование, шлема русского воина), с заветной скамьи у ворот, с той самой берёзки, что во поле... растёт». Березками давно не самоидентифицируемся, в Канаде их растет не меньше. Скамьи у ворот сгнили — в стране почти 75 процентов составляет городское население, а уж про буденновку лучше вообще не вспоминать.

¹ *Марк Захаров.* Театр без вранья. Москва, АСТ изд. «Зебра», 2007. С.241—242.

Что в остатке? Какой окажется будущая идентичность? Не моя личная, не «русско-православная», не мусульманская, не западная, а вообще. Что будет с нашим самоопределением, куда нас всех понесет?

Грянула информационно-коммуникационная революция (ИКР), а с ней цифровой транзит. Это хуже (или лучше?) любого ковида. Вот я, мы цифровизуемся и тогда посмотрим, что от меня, от нас-вас останется.

Главная проблема цифрового транзита, по уверению политолога, моего друга Андрея Рябова, — «отсутствие инклюзивного социально-политического проекта, обеспечивающего развитие человека как социального и биологического вида». Согласен, но не совсем понимаю. Мне бы попроще — растолкуйте, как моя идентичность цифровизацией размоется и каким я себя буду чувствовать.

Говорят, что главной составляющей в идентичности станет стремление к личному комфорту, то есть к тому, чтобы было удобно жить. А что до социальных, классовых, межэтнических и прочих привязанностей, все это отодвинется в сторону.

Общество потребления, к которому мы только-только привыкли, трансформируется в общество развлечения, где главная ценность — внутренний комфорт. Отсюда идентичность становится вторичной, если угодно — безликой. Культура, в которой мы воспитывались и существовали, — все менее востребованной.

Но, по-моему, скроить одну-единственную идентичность вряд ли удастся. Ее не бывает даже при пожаре, на войне, пусть в такой ситуации возникает общая доминанта — выжить любой ценой. Однако и выживать можно по-разному, и, в частности, исходя из все той же идентичности.

Как заметила профессор политологии Ирина Симоненко, «еще несколько десятилетий тому назад это понятие (идентичность. — *А.М.*) было “собственностью” психологии, социологии и социальной антропологии. Сегодня концептуализация идентичности занимает заметное место в арсенале инструментов политического анализа»¹. Кто ж спорит?

Я же не претендую на академизм, я просто размышляю, хоть и по-домохозяйному. Это иногда полезно. Пусть каждый, кто прочтет эти заметки, уверует, что он умнее автора. Ощутить себя мудрее собеседника всегда приятно и полезно.

Вопрос, кто ты такой, что у тебя за идентичность, все равно останется до конца не разрешенным. Никогда.

¹ *Семененко И.С.* Идентичность в предметном поле политической науки. — Идентичность как предмет политического анализа. Библиотека Института мировой экономики и международных отношений. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010). Москва ИМЭМО РАН, 2011. С.8.